***

Господи, Господь наш, яко чудно имя Твое!
Господи, Боже наш! Как величественно
имя Твое по всей Земле!
(пс. 8 ст. 2 и ст. 10)

В последнюю неделю Зоя сильно сдала. Она и раньше-то на глазах «усыхала», но двигалась в комнатах и по коридору. А тут больше всё лежала.

В четверг 18 июня я её причастил Святых Христовых Таин, а в субботу ночью она умерла. Ещё при жизни мы (с её сыном и внучками) спрашивали: отпевать её в Церкви или дома? Она выразила желание даже ночевать ночь в Церкви… И в воскресенье к 16 часам привезли её мощи в молитвенный дом села Владимирово и, отслужив утреню и панихиду, оставили её в храме. Планировали оставить и чтеца Псалтыри, но чтица отказалась по состоянию здоровья и читала Псалтырь по ней у себя дома.

И в эту ночь разразилась необыкновенной силы гроза с ветром и дождём. Итак, покойница наша оказалась под крышей храма, а мы по домам (как потом рассказывали друг другу) ужасались Божией стихией. У нас сразу же погас свет. Молнии сверкали со всех сторон, и грохотал по крыше дождь с градом.

Фонарик светил тускло. Зажгли свечу. Надо было молиться, но ум рассеян, и мысли не собраны. Почему-то мне вспомнилось, как в школе говорили, что религия возникла от страха человека перед силами природы, и потому человек стал «задабривать» эти силы, и таким образом появились разные верования.

Я это вспомнил, и «задал вопрос» тогдашним учителям и профессорам – а что же вы не досказали до конца, не сказали всю правду. Да, страх это мощная сила, способная превратить человека в «букашку» (ещё вспомнились из передач всякие «торнады», и Украина с Донбасом и Луганском, где в любой день стихия «от ума человеческого» может послать смерть), и сам же стал отвечать:

– Да, страх у человека может отнять в одну минуту необходимые добродетели. И человек «зароет голову в песок» и будет переживать… И так будет с большинством людей. Но точно найдётся один из тысячи,

* Продолжение. Начало в «Вертикали. XXI век» № 45, 2015 г.

который голову свою освободит из укрытия и начнёт «подглядывать» за ветром, за молнией, за всем прочим. И в молнии увидит электричество и сумеет его «собрать» и начать «расходовать» по лампочкам. И остальные уже не смогут представить свою жизнь без этого электричества. То есть нам тогда учителя и учёные не сказали главного – в человеке рядом со страхом и другими страстями имеется творческий ум, способный использовать силы Природы, созданной Творцом, себе во благо. (Впрочем – иногда и во вред. Это когда напрочь забывают, оставляют Бога).

И надо же было, буквально через три дня наткнулся на подобные мысли авторитетного человека. Причём он выводит их из книги «Бытия».

«…В сотворённом мире люди отнюдь не статисты, не часть общей декорации, не деталь пейзажа. Они созданы как владыки этого мира, как смысловой его центр, его сердцевина и суть. И даже небесные светила, оказывается, сотворены в услужение людям, чтобы по ним исчислять времена, фиксировать порядок происшедших событий. Люди приведены в мир Господом как соработники, с высочайшим доверием к их разуму и добродетели… И самое главное – ведь всё это Бог через Моисея открывал людям, уже отпавшим от Него, находящимся в глубоко несчастном состоянии, когда от их изначального величия почти не осталось и следа. Но, несмотря на это, Бог снова напоминает людям об их высоком призвании…» (Статья Александра Ткаченко «Не замёрзну Боженька». Журнал «Фома», май 2015 г.).

Вот видите – призвание у нас высокое…

Да, мир продолжает быть интересным до страсти, многообразным и заманчивым. После стихийных разрушений – физических и духовных, человек в отдельности и то или иное общество в целом начнёт снова залечивать раны, восстанавливать разрушения. И одни будут гордиться, что так много умеют и так совершенно всё делают, и тем восхвалят себя и продолжат «изгонять» Бога. А другие будут восторгаться Величием Природы и Её Творца, и благодарить Бога за очередное вразумление. И молить Его о мудрости, о необходимости чувствовать «порог», за который переступать никак нельзя, а непременно перед ним остановиться, чтобы сказать-молить: «Господи, управь и научи, как жить дальше. Дай силы, мужества и терпения на пути Твоём. Не отрини нас, в беззаконие погружающихся. Спаси и пребудь с нами».

***

Слово племяннику и его супруге после Венчания в храме Нижнего Новгорода

Мы с вами, дорогие супруги Алексей и Александра Юшковы, и родственники ваши, и друзья, и гости совершили Таинство Бракосочетания! И место, где мы находимся, – центр Нижнего Новгорода. Слияние Оки и Волги! Такого места во всём мире больше нет, во всяком случае, для нас и для наших детей и внуков.

Храм, в котором Венчание совершилось – Иоанна Предтечи – из недавнего поруганного состояния возрождён и теперь продолжает быть храмом, Домом молитвы. В ближайшей округе множество соборов и церквей восстановлены, и в них совершаются службы.

Когда мы были в вашем возрасте, то проходили эти места (будучи студентами), совершенно не подозревая и не сокрушаясь о бывших утраченных храмах. Такова была наша действительность.

В нашем городе есть один художник, который не забывал никогда величие своего города, знал все утраченные или поруганные храмы и старался на гравюрах своих изображать то, что должно было бы быть, но на самом деле не было.

Всякий раз выставляя на художественной выставке очередную свою гравюру или рисунок, он удивлял собратьев-художников и зрителей сво-

ей «фантазией» и обличал нас несведущих, не знающих своего города – его исторических фактов. А сам удовлетворялся мечтой: «Вот если бы всё снова стало так, как должно быть». И что удивительно – так, действительно, стало быть… Это сегодня ваша действительность.

Храм Иоанна Предтечи, рядом Казанская церковь, которая прежняя была в полном смысле слова «закатана под асфальт», но теперь восстановлена «с нуля», на радость верующим православным сердцам красуется в нашем городе. И, должно быть, любому человеку, чувствующему красоту, она является архитектурной доминантой, вставшей буквально на дороге.

Ильинский храм, что располагается на противоположной от Кремля горе, тоже ныне сверкает золотыми главками и колокольней.

Далее, если двигаться к Окскому мосту, изукрашенная красавица Рождественская-Богородичная церковь. Она не была разрушена. В ней располагался музей.

За ней бывший Планетарий, а ныне, как и в старину, храм Алексеевский (Митрополита Алексея – современника Сергия Радонежского) прямо напротив Окского моста.

А за мостом: на Стрелке кафедральный собор Александра Невского, у озера Мещерского Спасский – Староярмарочный, у цирка церковь Владимирской Божией Матери и много ещё чего восстановленного и украшающего и Дятловы горы, и Канавино.

Редкая панорама с моста и с Волги, открывающаяся восторженному взору приезжего гостя и коренного нижегородца, в советской действительности большую часть жизни пребывавшего в неведении.

Всё это я вам говорю, дорогие друзья, отнюдь не только чтобы поделиться впечатлением от красоты нашего города, от подоспевшего, ещё пахнущего типографской краской альбома моего друга-художника Николая Мидова, который я вам сердечно дарю в день вашей свадьбы, но ещё и, может быть, главным образом, потому, чтобы пожелать вам осмыслить и размышлять, что же с нами происходило и происходит. Откуда мы есть, что мы имеем сегодня в подарок, сумеем ли мы этот дар, это достояние сохранить и пронести по всей своей жизни, которую каждому из нас определил Господь. Пронести и преподать детям!

Откуда мы есть? И этот первый Окский мост оказался для нашего семейства связующим звеном. На его строительство твой дед был направлен вместо службы в армии. После демобилизации он остался в Нижнем Новгороде, потому что встретил здесь твою будущую бабушку, свою жену, Клавдию. И вот встречаются два молодых человека: девушка из «Затона 25-летия Октября» и парень с «церковной паперти» из дальнего села Биляр Ижевской области, через сочетание которых, через веру мужа и смирение, верность жены будет перерождаться советско-безбожное в церковно-Божие бытие. Не без грехов, вообще естественных для падшей человеческой природы, но возрождаться и утверждаться.

Утверждаться?

Это вопрос ко всем нам, а особенно к вам, молодым сменяющего нас поколения…

24 июля 2015 г.

***

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В настоящее время, несмотря на обилие церквей, почти всюду, хоть и полная свобода на мировоззрение, оказывается совсем непросто сохранить веру в Бога, сохранить православную – кафолическую веру. Жить в ней не обрядово, а действительно, убедительно, твёрдо. Причина тому – обволакивающая со всех сторон информация, совершенно противоположная нравственности церковной. Обёртка этой информации бывает яркой и привлекательной (а в истоке лживой, как и всё дьявольское),

и молодому человеку, да и не только молодому, очень нелегко противостоять ей. То есть информация такова, что «Бог в мире отсутствует», а человек, увлёкшийся такой информацией, в этой мысли застревает и в ней начинает пребывать.

Такое состояние человека вот как объясняет митрополит Антоний Сурожский. Вопреки «...Я хочу указать, что должен знать, и что может сделать тот, кто хочет молиться... Одна из очень важных исходных проблем – это положение человека, когда ему кажется, будто Бог отсутствует... Речь не о каком-то объективном отсутствии Бога – Бог никогда на самом деле не отсутствует – но о чувстве отсутствия, которое у нас бывает; мы стоим перед Богом и кричим в пустое небо, откуда нет ответа... Как быть с этим?

Прежде всего, очень важно помнить, что молитва – это встреча, это отношения, и отношения глубокие, к которым нельзя принудить насильно ни нас, ни Бога...

Отношения должны начаться и развиваться именно во взаимной свободе. Если быть справедливым и посмотреть на эти отношения именно как на взаимные, то ясно, что у Бога гораздо больше оснований печалиться на нас, чем у нас – оснований жаловаться на него.

Мы жалуемся, что Он не делает явным своё присутствие в те несколько минут, которые мы отводим Ему в течение всего дня; но что сказать об остальных двадцати трёх с половиной часах, когда Бог может сколько угодно стучаться в нашу дверь, и мы отвечаем: «Извини, я занят», или вообще не отвечаем, потому что даже и не слышим, как Он стучится в двери нашего сердца, нашего ума, нашего сознания или совести, нашей жизни. Так вот: мы не имеем права жаловаться на отсутствие Бога, потому что сами отсутствуем гораздо больше.

Второе важное обстоятельство то, что встреча лицом к лицу с Богом («Бога невозможно человеку видеть») – всегда суд для нас. Встреча с Богом – всегда критический момент, кризис. «Кризис» – греческое слово, и оно означает «суд». Встреча с Богом лицом к лицу в молитве – критический момент, и, слава Богу, что Он не всегда являет нам себя, когда мы безответственно, беспечно добиваемся встречи с Ним, потому что такая встреча может оказаться нам не по силам.

...Бог – сила, Бог – правда, Бог – чистота. И вот, когда мы не чуем, не переживаем ощутимо Божие присутствие, первым нашим движением должна быть благодарность. Бог милостив, он не приходит до времени».

Есть такая жизненная установка: жить по правде! Примеров «жить по правде» в жизни немало, но мы не всегда их видим. Их, как мне кажется, легче увидеть в русской литературе.

***

Вы не плакали, когда перечитывали «Му-му» И.С. Тургенева? Я тоже думал: ну, посочувствовали, ну, пожалели и хорошую собачку, и самого Герасима, но заплакать мужику-старику, это уж вроде никак... А вот пробили слёзы. И не когда он в спешке выбежал со двора капризной, только себя любящей барыни, захватив Му-му, верёвки и два кирпича, и не тогда, когда скорбно и нервно, подняв руки с дорогим ему существом, в последний раз посмотрев ему в глаза, опустил их, а тогда, когда возвращался в свою деревню. Немой русский богатырь, ничего не слышавший, но чуявший (в городе – людей, его окружавших), а здесь «чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с тёмных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу – ветер с родины – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую, как стрела; видел в небе несчётные звёзды, светившие его пути, и как лев выступал сильно и бодро, так что когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять вёрст...»

Чуявший и живущий по правде литературный герой, увиденный Иваном Тургеневым, живее живущих и тогда (во времена Тургенева) и сегодня.

Но сегодня – со слезой читающего. Немой русский богатырь, помолясь перед образами, отправился к старосте, и дали ему косу, и пошёл он косить (сенокос только начинался)…

«…В деревню, в тёмный сад,
Где липы так огромны, так тенисты.
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где пахнет конопелью да крапивой…
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами,
И падает тяжёлый жёлтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч;
Там хорошо…»

(Из поэмы, преданной сожжению)
И.С.Тургенев. «Записки охотника».
Эпиграф к рассказу «Лес и степь»

Многие русские люди во времена Тургенева жили в «силе духа» - в вере, по правде, по чистоте, по смирению, и многие были святы, хотя бытовое (мирское) окружение было далеко не святое (то есть жестокость, чёрствость, эгоизм, высокомерие были всегда), но всё же многие – святы. Страх Божий был. Сейчас «страха Божьего» нет, или почти нет… И это было так давно!

Но было и недавно. Примеры есть, но прежде продолжение о слезах. Они, наверное, ещё и оттого, что больно за себя, больно за людей. Полноценные физически живут в нечувствии и не всегда по правде, а физически в чём-то ущербный человек чует неправильную-неправедную окружающую его жизнь и живёт по правде, по-Божьи. И умиляешься этой богатырской силе духа и тела, и плачешь. О несовершенстве своём и о том, что подобное совершенство вдруг обнаруживается рядом, по соседству, в чистоте сердечной простого человека. И почти рыдаешь.

Ещё меня удивляет теперь уже покойный (может быть, поэтому мы и кинулись его читать) Валентин Распутин. Что ни рассказ, то слёзы. А речи на больших собраниях по поводу России. Всякая речь – это боль и страдание за русский язык, за русскую литературу, за реки, за Байкал и за Русь, уходящую из-под ног. Везде он прилагает частицу своего сердца, переживает и болеет. И ты присоединяешься к нему, и тоже опять роняешь слезу…

И вот он умер. А жизнь продолжается. Но она, жизнь, будет другой, будет ущербной, если не придут на смену Валентину Распутину, Василию Белову, Савве Ямщикову и другим плачущие, страдающие и воинствующие за Правду, Чистоту и Веру, Традиции и Справедливость! Или придут?..

Получились примеры от «недавних» (они наши современники) простых, в смысле не святых людей, живущих-живших по правде. А вот пример от теперь уже прославленных святых: это талантливый врач-хирург (талант его признан советским атеистическим правительством) святитель Лука (Войно-Ясенецкий), о чём пишет известный столичный православный писатель Тимофей Воронин:

«Целых семьдесят лет у нас в стране пытались уничтожить веру. Детям и взрослым внушали, что только неграмотные старухи верят в «сказки» про Бога. Однако, несмотря на это, оставались люди, которые были

очень образованны и умны, но вера в Бога была для них самым главным в жизни. Таким был святой Лука – епископ и доктор.

Весной 1923 года отец Валентин (это его имя до монашества. Незадолго до этого священник овдовел) принял монашеский постриг. А вскоре в конце мая того же года в городе Пенджикенте при запертых дверях два ссыльных архиерея посвящали во епископа иеромонаха Луку – хирурга Войно-Ясенецкого. Стать архиереем в те годы значило взять крест у подножия Голгофы. Прошло чуть больше недели, и Владыку арестовали. Эта арестантская «ночь» продлилась одиннадцать лет… Но и будучи в ссылке, Владыка оперировал и спасал смертельно больных.

Святитель Лука всем сердцем чувствовал близость невидимого мира. Учёный, хирург, он изучал человеческое тело и спасал больных людей от смерти, но сам больше всего любил размышлять о бестелесном Боге и о том, что ждёт нас по ту сторону гроба. В годы, когда нельзя было издавать религиозные книги, он писал произведение под названием «Дух, душа и тело». Он хотел уверить неверующих, что у человека есть бессмертная душа…».

И уверил. Его бессмертная святая душа молится о нас, и особенно за Крым, где находятся его святые мощи.

***

Сегодня памятный день. 1000 лет смерти Вел. кн. Владимира – Крестителя Руси.

На днях мне пришлось прочесть статью к какому-то очередному юбилею А.С. Пушкина Валентина Распутина, где он восхищается гением поэта и повторяет известную фразу: «Пушкин – это наше всё». И если для нас эта фраза справедлива (а она, безусловно, справедлива), то для поколения Александра Сергеевича «всё» – это был великий князь Владимир (и для него, и для всех нас, потому что без князя Владимира, без равноапостольных учителей Кирилла и Мефодия не было бы ни Пушкина, ни всей нашей великой русской культуры…).

И связующим, или образующим стержнем данного духовного процесса было Слово. Мы читали и помним восторги послов кн. Владимира, исследующих и выбирающих веру, восторги от Божией службы, услышанной в Софии Константинопольской, выраженных в словах, что они «были как на небе». И выбрал великий князь Владимир веру христианскую от Византийской страны. И в выборе не ошибся. Потому и живём мы в ней более 1000 лет. И Вера наша особая. Она от Неба, а не от земли. И миссия, и Крест у России особый, и дай, Господи, нам его нести до конца в спасительной Церкви Твоей.

ОТВЕТ НА ВОПРОС: «ЧТО ЗНАЧИТ ПОНЕСТИ СВОЙ КРЕСТ?»

— Короткая фраза вмещает в себя многое, если не сказать, что всю жизнь христианина. Давайте поразмыслим: рождается человек — и его крестят (во всяком случае, в православной традиции так). Крестят во имя Отца и Сына и Святого Духа. Сын — это Христос. Мы исповедуем: Троица — единосущная и нераздельная. Если нераздельная, то Сын — Бог! Бог воплотился — и «с человеком поживе». И что оставил людям: Крест, Евангелие и Церковь. *«Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16: 18),* — сказал Господь.

Короткая фраза «понести Крест свой» для многих людей, включая и христиан, может остаться только фразой, учитывая, что множество людей живёт по своей воле, а не по Божией, не по заповедям. А для некоторых слова эти (они ведь исходят от Самого Христа): *«Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» — (Мф 16: 24)* могут стать и быть определяющими. Настолько, что эти люди готовы умереть, утверждая слова делом. В подражание Христу

«даже до смерти», то есть взойти на свою Голгофу. Это для избранных, не всем такое даётся.

Во все времена избранные были. В первые века было множество мучеников за веру Христову. Когда кончились столетия гонений, на место их пришли добровольные мученики — преподобные: монахи, отшельники, праведники, в миру живущие, но особенно тщательно исполняющие заповеди Божии, боящиеся греха. Основная же масса людей жила и ныне живёт, так скажем, с грехом пополам.

Вроде бы мы несём свой крест, а может, и выворачиваемся из-под него. Время настоящее, выпавшее нам, — сравнительно благоприятное. Прямых гонений нет, и всё бы нам жить с удобствами и комфортно. Но нам и помыслить страшно, что могут вообще, напрямую, быть страдания за Христа «до смерти». Однако такие напоминания делаются.

Можно ещё так порассуждать. У всякого человека есть свой личный крест, то есть свой жизненный путь ко Христу, к спасению. Должен быть крест у семьи. Если хотите, у города. Почему-то вспоминаются советские годы и город Дзержинск: сплошные ядовитые дымы. Едешь в Москву и наблюдаешь... Зато про этот город как говорили? — «хорошие зарплаты». Зарплаты-то хорошие, но высокая смертность жителей была. И это был крест дзержинцев. Думается, что в Урене или Муроме картина была лучше и надёжнее в смысле физического здоровья, то есть «крест другой».

Есть крест у области, у больших территорий. Читая писателя Валентина Распутина, трудно этого не заметить. Он и сам страдал за Байкал, за реки и объяснял, показывал читателям, как страдала земля. И как не страдать, если ГЭСы, погубившие прекрасные поселения и изуродовавшие души великого множества людей, навсегда затопили и обезобразили природу, созданную Творцом! И, наконец, есть крест у государства. У Израиля и Палестины, у Болгарии и Сербии — у всех стран и народов.

И есть свой, ни на чей другой не похожий, крест у России. Об этом много сказано и написано в истории, и не мне дополнять её по скудности знаний. Но даже школьная история напоминает нам об особом крестоношении русского человека, русского народа и русского царя или правителя. И здесь в понятие «понести крест свой», на мой взгляд, следует ввести или добавить понятие «патриотизм». Патриотизм, который не останавливается на границе смежных государств, а идёт дальше.

Можем ли мы себе представить, что войска советской армии, изгоняющие захватчиков из страны своей, остановились бы у границы с Польшей и дальше не пошли? Представить такое невозможно. О себе одних позаботиться — это не по-русски, не по-христиански. Брата тоже надо защищать и помочь прогнать врага.

Если перейти на частности, то получается, что и помня о своём несении креста, всякий раз, когда мы поступаемся этим принципом, мы сбегаем с правильной тропинки на обочину и, бывает, так далеко отходим, что немалых трудов стоит возвратиться. К примеру: заболел один из супругов, а другой не понёс крест свой, не разделил горе и сбежал. Или другие примеры предательства... Это не значит, что окончательно человек погиб. Господь всегда ждёт грешника, как мы это узнаём из притчи о блудном сыне.

Следует ещё помнить: есть в мире «запинатель», соблазнитель, завистник, и каждую душу он пасёт, чтобы погубить, чтобы столкнуть с пути несения креста, как было с блудным сыном. Это состояние может занять полжизни, но возврат всегда возможен, надо только опомниться, «прийти в себя» (из той же притчи). И возвратиться к Отцу. И понести свой крест, уже искупая грех, расплачиваясь за него.

Даже святые, даже святой Пётр однажды отрёкся от своего Учителя и Христа, а опомнившись, всю жизнь об этом плакал. И крест нёс даже до смерти. У нас подобное (назовём — «отречение по мелочам») бывает. Но мы не плачем.

***

Мне не раз приходилось слышать такое: некий человек высказал мысль, открыл яркий образ какого-либо жизненного сюжета или душевного переживания, и другой слушающий высказывает, что он точно такие же мысли имел, мог бы написать или сказать так же, но не представилось случая, не успел. То есть мы все понимаем что-либо примерно одинаково, чувствуем вокруг нас происходящее в природе, в житейском быту, в поведении людей, но кто-то успевает сформулировать и записать его, или высказать в большой аудитории, и это становится словесной находкой, ярким словом – захватывающим, или литературной находкой, эмоционально воздействующей на читателя.

Или бывает так – долгое время беспокоит мысль, допустим, о смерти (пожилому человеку свойственна она), но она никак не укладывается в чёткую словесную форму, а как-то расплывчато витает в тебе и не уходит, а у тебя то ли нет решимости довести её до чёткого осознания, то ли (и это, скорее всего, так и есть) не хватает способности-таланта чётко оформить её словесно, найти выражение, создать образ впечатляющий.

Так вот у меня получилось на днях. Приносит мне одна прихожанка книгу, хвалит писателя, умиляется прочитанным, и очень ей хочется поделиться своей радостью, своим «открытием». («Купила на православной ярмарке, и уже три раза перечитала»). Открываю начало, и через пару строк читаю «свою мысль», беспокоящую меня многажды: «Гроб был простым… Лицо лежащего в гробу священника было по обычаю закрыто расшитым золотой нитью покрывалом, называемым в церковном обиходе «воздух»(…) «Откройте лицо! – сказал женский, почти детский по чистоте голос…

– Не положено, вроде…

– Откройте, вам можно!..» Это было обращено к священнику, пришедшему поклониться усопшему собрату, сослуживцу». (Прот. Александр Горик. Повесть «Флавиан»).

Вот, вот такая мысль: гроб твой, и лицо твоё (закрытое «воздухом»), и кто-то (не из священников и родных) просит открыть лицо… и его открывают… а оно (лицо) обезображено грехом-болезнью, оно другое… и далеко не соответствующее должному, и это обнажение – «открытие» для всех, и разочарование о том же несоответствии – видимость (при жизни) была приятнее, а внутреннее состояние «оставляет желать лучшего».

И что же? А ты уже не волен, хотя тоже наблюдаешь сию картину (где-то с высоты потолка, как говорят пережившие клиническую смерть), наблюдаешь и осознаёшь, что вот оно, начало адского состояния… И «вопиешь» гласом неземным: помолитесь, братия и сёстры!..

Открытое лицо Флавиана было спокойно, и с «неожиданной детски-радостной улыбкой».

***

Слово в Сергиевском храме г. Дзержинска, где служит-настоятельствует наш от отрочества алтарник, тоже Сергиевского храма, только на Бору, а ныне священник о. Александр Пучков.

Заполнение пространства, такое вот слово возникло у меня… Мы, люди, вольно или невольно наполняем обстановку вокруг себя тем, чем мы сами наполнены.

Технические достижения облегчают нашу жизнь, но это совсем не значит, что мы наполняем нашу жизнь качественно. Десять, пятнадцать лет назад мы понятия не имели о мобильных телефонах, а сейчас ими и дети пользуются, и старые бабушки, и дедушки, и нередко (а, может быть, и гораздо более) мы заполняем пространство пустыми разговорами, чем сообщениями по существу дела.

То же самое и с компьютерами. Игры, порой опасные для жизни, в частности, подростков, заполняют пространство нашего свободного времени, превращённого в хаос и безумие. Но есть в нашем времени и ясно

выраженные положительные результаты. В советский период, как вы, должно быть, знаете, в Нижнем Новгороде было на миллионный город три храма, а в вашем городе ни одного, если не считать посёлка Желнино. Теперь вот, благодаря энергии правящих архиереев, а главное, наверное, Милостию Божией храмов в Нижнем Новгороде – множество. И в вашем тоже достаточно. И даже ставят памятники, заполняя пространство духовными личностями, поклонными крестами и часовнями, возвращая Российскую Федерацию в Святую Русь.

Вот и у вашего храма скульптура Сергия Радонежского. Великого сына Отечества нашего (скажем светским языком), печальника и молитвенника за Русь Святую (на языке церковном). Ясно, что, заполняя пространство такими героями, общество в целом вытесняет «героев» иных – противных, разрушителей.

Мне вспоминается пространство вашего города в период с 1962 по 1968 годы (жёлтые, зелёные и бесцветные, но тоже смертельно вредные дымы, заполняющие небесное пространство даже до окраин Нижнего Новгорода – старшему поколению это известно). В эти годы я работал в торговой рекламе в качестве художника-оформителя, и мы с товарищем оформляли здесь в Дзержинске (т.е. художественно украшали) витрины большого магазина, кажется, одежды или тканей на проспекте Центральном, находились в этих высоченных трёхметровых окнах, размещая там манекены, развешивая ткани и рекламные тексты. И находясь там в течении трёх-четырёх часов, мы то и дело слышали похоронные марши, видели процессии, сопровождавшие покойника… Когда мы спросили работников магазина: «Что это? Почему так много похорон?», они ответили: «У нас это норма. Это для нас не редкость. Люди умирают от вредного производства».

Пространство вокруг было заполнено кому-то душераздирающей, а кому-то привычной музыкой. А о «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный» одни забыли, других не научили, а третьи считали, что это «законное» заполнение пространства взамен церковной традиции, взамен церковного обихода. В общем – взамен того слёзно-сладостного, потому что несущего в себе душевное успокоение, а не тупого раздрая, ведущего в НИКУДА.

***

«Ване бы не бежать, а он побежал», – любил говорить мой друг и коллега по мастерской в молодые годы (когда ещё ходили в художниках), когда кто-то из товарищей «исповедался», или делился в чём-нибудь необычайном, считая его мудрым и рассудительным. То, что так считали, было справедливым, и, может быть, на «пророка» он не тянул, но внимательно выслушать собеседника (порой очень долго), и, значит, терпеливо он мог как никто другой из наших общих знакомых. Выслушать, не перебивая, и принять соучастие. (Вы не помните, откуда эта фраза, и чем она кончилась: «Ване бы не бежать…»? Я не помню. Кажется, это кончилось крайне печально, если не трагически.)

Вот мне сейчас она вспомнилась. Очень уж нередко мы ведём себя, похоже, и заканчиваем с плохой отметкой по поведению. Надо бы промолчать, но он сказал или надо бы найти словечко – «сдобрить», снять напряжение, но я промолчал.

Печалится одна женщина, что сказала слово двум другим, вообще-то, знакомым, церковным. «И не надо бы говорить, и не уверенно как-то, ну, думаю, в назидание же». Они совещались, что в воскресенье обязательно сделают какое-то дело. «А я только и вставила – нашли время, в воскресенье». И ещё добавила: «Наш батюшка говорит, что шесть дней трудись, седьмой Господу Богу твоему». И что тут было, вы не представляете. Они так на меня накинулись. А я после Причастия. Мне было так хорошо! И вот сунулась. Каюсь. Не буду ничего говорить никому. Молчать, видно, надо».

Молчать-то это неплохо. И святые рекомендуют, и народная пословица говорит: «Молчание – золото». Но и в молчании, понимаете, тоже надо разбираться. Если человек (в молчании) думает, что «вот их батюшка поучает, что в воскресенье нельзя работать, исходя из фразы – шесть дней трудись – то, во-первых, батюшка говорит известную всем заповедь (то есть не от себя), а во-вторых, батюшка не утверждает так уж категорически, что в воскресенье работать нельзя. Нужно же рассуждение. Работа – работе рознь. Если после Божественной Литургии (Воскресной или Праздничной) человек пойдёт колоть дрова у немощных соседей, или крышу снесённую бурей поможет восстановить, или в больницу в качестве сиделки или нянечки, то кроме пользы здесь ничего не просматривается. И батюшка такому поведению своего прихожанина или прихожанки будет только радоваться.

Конкретное «молчаливое» дело, вместо назидания. (Сказать или не сказать… скажу, им же лучше будет – не согрешат.) Согрешили и она, и они. И ещё батюшку подключили. Он стал сокрушаться: говоришь, кажется, известные вещи, а их понимают не так, как должно, или не так, как предполагается по обстоятельствам, а как ему или ей показалось. Не рассуждая.

Протоиерей Андрей Ткачёв говорит в одном из интервью: «Надо быть честным с самим собой… Не нужно из себя изображать то, чем ты не есть. Не нужно изображать из себя христианина первых веков. Не нужно из себя изображать победителя над страстями. Нужно ничего из себя не изображать и честно попытаться понять: «Кто я такой на самом деле?»

А чтобы на этот вопрос ответить, нужно постоянно следить за собой (а не за соседом), и, видя свою никчемность, пользоваться «умной молитвой», если ты физически занят какой-либо работой. И тогда «не побежишь», и враг тебя не растерзает. Тогда ты будешь воином, стоящим на страже души своей.

ОБВАЛ

(посвящается Василию Львовичу Михееву)

Пожалуй, это слово наиболее подходило, чтобы выразить внезапно случившееся с Василием и его семьёй. О его смерти мне сообщила моя дочь, позвонив из Великовского (их дома находятся там на одной улице), и дрожащим голосом сказала: «Вася умер…» Дальше говорить не могла: потом, всё потом… Это было 18 сентября днём, часа в три. При всей внезапности (он был мне другом) меня это не удивило. Мы знали о его болезни, хотя внешне казалось, что он её победил. Но вот жена, и дочь с зятем, и внучки, совсем маленькие… Они так любят деда! Их потрясение меня беспокоило сильно.

Вспомнился случай двадцатилетней давности. У кого-то из наших знакомых в Нижнем Новгороде завалило мальчика-юношу, начавшего в первые дни сентября учиться в десятом или одиннадцатом классе, а после занятий убежавшего с товарищами на карьеры, где брали песок для стройки (они там и раньше играли), в тех лабиринтах их и завалило. Случился обвал. Товарищей откопали и спасли, а того откопали уже неживым. Родители, по выражению рассказчика, рвали на себе волосы. Мальчик был единственным сыном, и такая страшная, нелепая смерть. Советская действительность о смерти не говорила, и Бога тогда для большинства людей не было. А если ничего не существует, то рвать на себе волосы и сходить с ума – это естественное состояние в подобных случаях. Сегодня «Бога знают», много церквей, и люди стали верующими, или, правильнее сказать, перестали быть безбожниками.

Семья Василия, может быть, не в полном смысле церковная, но верующая, и всё равно «обвал» оказался внезапным, сокрушающим и тяжелейшим, особенно для Татьяны, верно любящей и преданной жены.

Ещё одно воспоминание из моей юности. «Разве это можно вынести…», – кричала мать, упершись в косяки входной двери дома обеими руками, как будто не пуская уже вынесенного товарищами двадцатипятилетнего сына, умершего от внезапной и скоротечной болезни («сгорел» за полгода, оставив молодую жену и кроху-сына). Её голова была запрокинута в сени, а руки и ноги – на улицу, и это был не крик, а какой-то изнутри зов-бунт, с чётко произнесёнными словами, но не людям, и даже, кажется, не самой себе. То был совсем уж безбожный период, где-то в начале шестидесятых, в хрущёвское правление. Вынести это можно, хотя и неимоверно тяжело, хотя и на грани отчаяния, но с Богом, с верой в вечность и что Бог промышляет, то есть знает и определяет сроки наши.

«Ты только не унывай!» – это были последние слова Василия. Сказаны они были совсем другим голосом, сменившимся мгновенно, после нашего обычного будничного разговора, – говорит Татьяна, – и я не сразу поняла ту интонацию. Не оценила, а только на миг подумала: с чего это голос-то у него стал другим: нежным и жальливым.

«Ты только не унывай».

Эта фраза оказалась уже «из-за границы», потому и голос изменился, потому и голос не его, хотя и сам говоривший ещё не подозревал о внезапном конце. Может, это его Ангел-хранитель старался охранить Таню. Сам Василий при жизни всегда охранял её.

А Таня пока ещё плачет и немного тоскует, понимая – сильно тосковать нельзя. Молится, и плачет, и старается не унывать. Матерь Божия, помоги!

***

В те времена, после Вознесения Господня, апостолам выпали разные жребии, как мы с вами знаем из «Деяний», из «Посланий» апостола Павла. И когда апостол Пётр преимущественно находился в своей стране, апостолу Андрею выпал жребий идти в Скифию, и он высадился на побережье нашей страны – Чёрного моря. То есть Крымское побережье, где был Херсонес, а потом дошёл до Киевских гор и пророчески провозгласил о том, что здесь будет Христов город. И прошло много веков, и там возник город. Но он был ещё языческим. Потом Ольга исподволь подготовила, а внук её Владимир осуществил пророчество (поначалу вряд ли зная о нём) Андрея Первозванного, и крестил в Днепре, омывающем Киевские горы, народ свой.

А сегодня там война – братоубийственная. И нам остаётся молиться апостолам (Первоверховным и другим. Там ещё, кроме Андрея, был Симон Кананит), и Ольге, и князю Владимиру, и князьям Борису и Глебу, и киево-печёрским преподобным. Молиться, чтобы они умолили Господа об укрощении антихристовых сил, чтобы Он отодвинул эти силы ещё и ещё.

***

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» *(Евр. 11, 1).*

«Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь» (конечная фраза Символа веры).

Осуществление Ожидаемого – это не что иное как труд души и тела (земного поприща человека) к достижению Царства Небесного (после физической смерти).

***

Не есть ли здесь духовная установка для всех нас, вопрошающих, унывающих, ищущих от жизни каких-то льгот, каких-то результатов и комфорта?

«Проповедав Евангелие сему городу и приобретя довольно учеников, они (апостолы Павел и Варнава)… утверждая души учеников, увещевая

пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие». *(Деян.14 ст. 21,22)*

Многими скорбями..., но «Иго Мое благо и Бремя Мое легко есть», говорит Господь..., чистой совестью, скорбями и старанием исполнять Заповеди Божии, покаянием спасаемся. Должны спасаться...

***

Жители Гаддаринской страны не выдержали Божьего чуда – исцеления одержимого, и попросили Христа уйти, оставить их. Неужели не было никого сочувствующего, радующегося за существо, потерявшего облик человеческий, ставшего вместилищем бесов и вдруг исцелившегося и ставшего человеком смысленным. Может, и были сочувствующие, понимающие, размышляющие, но их было точно единицы. А что может один человек противопоставить толпе, которая мыслит категориями «это моя скотина, это моя свинья»? Это моё!

Наше недавнее прошлое вполне дополняло подобные картины: «Один человек с крестиком в классе, или в армии – ЧП. Атеистическая беседа – никто не возразит. И никто не заступится. В настоящее время такого нет, но заступников при случае наищешься. Скажут: «Это твои проблемы» и пройдут мимо.

Пройдём мимо, ну, может, чуть ойкнет под ложечкой, но пройдём. Может, кто-то не пройдёт? Может быть. Единицы...

Пришлось на днях говорить слово после отпевания молодого человека, внезапно умершего. Двадцать девять лет! Пришёл из кафе в ночи, позвонил близкому человеку, что у него всё в порядке, что сейчас ляжет спать, а утром отец его нашёл в его постели мёртвым. Из рассказа родственников и близких знакомых выяснилось, что мы давно знакомы с родителями покойного и что примерно пятнадцать лет назад они приходили в Сергиевскую церковь и просили помолиться о четырнадцатилетнем их сынке, «отбившемся от рук» (то ли он покуривал «травку», то ли ещё какую-то заразу вкушал). Потом мы потерялись. Выяснилось, что неблагополучный период как бы прошёл, молодой человек женился, и у него родились дети. Но союз оказался непрочным, и позвонил он не жене и не родителям, а кому-то другому, но это всё теперь уже, хотя и трагический, но фон. А реальность сиюминутная такова: в маленьком храме тёмный гроб (закрытый крышкой, его не открывали и на отпевании) и много людей молодых, недоумевающих, кто-то с широко раскрытыми глазами, кто-то, может быть, впервые в храме, и плачущими, растерянными. И что надо сказать!?

– Соболезнования вам, дорогие родственники, близкие, друзья. Сочувствия, со-страдания. По-человечески неестественно хоронить молодых. Я право же, теряюсь в слове: разве что вот такая мысль возникла у меня утром, когда я ехал сюда на отпевание. Мне почему-то вспомнились школьные уроки и некоторые страницы из букваря, где было крупным шрифтом написано: «Мы не рабы, рабы не мы». И они возникли в связи с воспоминаниями часто происходящего в обиходе, когда человеку (собеседнику) претит слово «раб» (при этом он может в течение двадцати минут, перед тобой будучи, закуривать вторую сигарету, нимало не подозревая, что он раб её), и особенно возмущает такого собеседника словосочетание «Раб Божий». Тут уж он готов прекратить разговор, его «свобода» никак не может терпеть подобного «насилия», и если продолжать разговор, то только в совершенно возмутительной форме типа: «Где твой Бог?», когда происходит то-то и то-то, или «как может Бог допустить», хотя происходит то или иное трагическое событие часто по человеческой логике, отвергнувшей Бога. И значит, как Его, Бога, можно вообще «приплетать» – вы же давно для себя установили, что «сами с усами». И чего? И чего, однако, вы хотите выяснить? Может быть, полезнее размышлять над тем, почему я зашёл всё-таки в храм, или почему я всё-таки задаю вопрос со

словом Бог? А может быть, это где-то, простите, «в пятке» возникло? Кто, или что, как уж она там называется… А да, совесть! И почему я не ставлю вопрос себе? Аналогично вышеупомянутого: а где была моя совесть? Может быть, полезнее? Может быть, тогда и про происхождение совести поинтересоваться: что же это такое? Продолжим, однако, о рабах. Мы – не рабы. Человек нынешний забывает о наличии в мире дьявола – врага рода человеческого. Забывает или не признаёт. А это дух падший (от гордости своей), и он завистник и лжец, и действует он через людей – «воспитателей и учителей», продавшихся ему, поддавшихся и соблазнённых им. И эти люди его верные слуги, действуют его же методами, то есть ложью, лестью, прелестью, коварством, насилием и прочими беззакониями.

Апостол Пётр говорит про таких людей так: «Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурею: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и в разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления, ибо кто кем побеждён, тот тому и раб». *(2 посл. Петра гл.2 ст. 17-19).*

Мы, родители, должны единственно о чём молить Бога, так это о том, чтобы души наших детей не погибли, а мы мечемся, и то ли молимся, то ли изо всех сил желаем только материальных удобств, к примеру, чтобы квартира (или дом) были правильно распределены после нашей смерти. То есть душа у нас (и детская, и своя) – не главное. И это печально.

Можно сравнить со священными словами: «Стопы моя направи по словеси Твоему, и да не возобладает мною всякое беззаконие».

Относительно внезапной смерти можно сделать по-человечески логическое заключение: «Беззаконие возобладало». Господь увидел – исправления нет, и призвал (чтобы не было хуже).

Нам оставлено: молитва и покаяние… За себя и за покойного.

Господи, не вмени мне это рассуждение в осуждение.

15 ноября 2015 г.

***

«У природы нет плохой погоды», однако нас, бывает, тяготят дни ноября. Они такие серые. Они длятся так долго. Снег помалу выпадет и снова растает, и серые картины возобновятся.

Небольшие окна его комнаты дают мало света, и потому тюлевые занавески отдёргиваются. Становится посветлее, но не надолго, потому что дни не только серые, но и короткие, и темнеет быстро. В такие дни он ловит себя на действе: заглядывает в крайнее левое окно, из которого виден коридорный выступ-пристрой с входной дверью за углом. Дверь не видно, а виден только навес над ней. И если кто-то приходит, то непременно будет виден под навесом. Тут же рядом за углом и входной звонок. Но, ни звонка не слышно, да и некого ждать. А он, в который уже раз, выглядывает в окно и кого-то ждёт… Ну нет же никого, и слава Богу!

Нынче летом умерла на 89-м году его тётя, и незадолго перед её смертью (она жила рядом, через дорогу перейти чуть наискосок) подобное ощущение тоже было, и не только с выглядыванием в окно, а и в комнатах чьё-то присутствие!

А теперь вот близкая родня за Волгой, то есть в Нижнем, а в доме только он и жена. И если вдруг, выглянув в окно, увидит он у входа стучащегося Гостя, то встанет вопрос: к нему Гость идёт, или к жене?

Посланные Ангел Господень или Ангел смерти могут войти в дом твой и без стука, но они стучат, чтобы не посягнуть на твою свободу… А мы этот стук в какой раз пропускаем. Не слышим или не хотим слышать. Это состояние, нежелание слышать, затягивается, и тогда Гость небесный входит внезапно, без стука.

17 ноября 2015 г.

***

В храме – Утреня и Литургия. Мама именинница, у неё день Ангела. Когда была жива, мы в этот день все собирались в родительском доме, её поздравляли. А сегодня, через тридцать лет, вдруг – испуг.

Каждение на Херувимской песне. Покадив народ с солеи (священник поворачивается и идёт к Престолу, а я пошёл кадить весь храм), как сошёл с солеи – не помню, «уснул». Очнулся, пройдя метра четыре, и повернул от угла на западную сторону… Вот такой «провал» – глубокий, беспамятный… Господи, вразуми.

Что это? Греховное забытьё и недостоинство? Или утомление от многих сует, что тоже греховно? Или это объедение таблетками, которые прописали в Православном медицинском центре от повышенного давления и сердечные. Принимаю утром и вечером почти каждый день, и, кажется, это длится уже года три. И тогда, кроме исповеди, нужен и врач. Но где он, врач?

В ночь с 19 на 20-е выпало достаточно снегу. Стало светлее, а вечером зажгли фонари, которые до того горели тускло и не везде. И испуг «рассосался», и мне подумалось: «Может, то было подарком оттуда от мамы? Как его ещё можно обозначить?

А такое не забудешь… Предупреждение. Не забудь и изменяйся. Ведь думаем же мы, что они там молятся за нас. Думаем и надеемся…

19 ноября 2015 г.

***

«Главное чудо – то, что мы живём»
Сергей Капица

Тихо падает снежок. В нашем «ангельском парке» три декоративных деревца, сформированные посредством садовых ножниц, снова одеваются зимним саваном. Хотя три дня назад был такой наряд – «снегурочки» или «в снежном королевстве», и растаяло. Оно вроде и, верно, ещё не время, а сегодня вот снова зима идёт свататься.

Ничего в этом мире не поймёшь, хотя примет куча, и по ним ещё не будет зимы. А ныне – вот те на! Должно быть снова растает. Живы будем – посмотрим… Но то ведь космос! В нём ни ввек не разобраться – изучай и изучай, что и делают учёные, а загадок меньше не становится. Они как из рога изобилия сыплются: то что-то упадёт и взорвётся (под Челябинском), то что-то пролетит в направлении Земли, а учёный люд заявит друг другу и всему миру: «Как это мы просмотрели?» И как издавна было, так и ныне остаётся: загадки да тайны.

А в человеческих отношениях тоже, а, может, и более непонятно многое, хотя подчас кажущееся простым и на поверхности лежащим.

Вот Валентин Распутин описывает простые семейные отношения между старшим, средним и молодым поколением. И самый старший и умудрённый жизненным опытом, какой-нибудь Иван Савельич из повести «Дочь Ивана, мать Ивана», очень реальный и живой (хотя и литературный), тоже говорит: ничего в этом мире не поймёшь. Скажет, а сам будет продолжать удивляться красоте мира и жалеть людей.

***

Так вот жизнь устроена. Живёшь, живёшь, а потом вдруг надо жить без Зои и без Васи!

Зоя – это моя тётка (младшая мамина сестра), мы жили по соседству, это в «Тесовой». Она немного не дожила до 89-ти лет. А Вася (Василий Львович Михеев, известный на Бору предприниматель – благодетель), это мой друг – младший (по годам он мне сын), но у нас было с ним много разговоров «о жизни». Он умер внезапно, месяц не дожив до 53-х лет. С ним мы ездили на Афон, по Владимирской области (г. Александров посещая умирающего моего двоюродного брата Германа). Ездили в Балахну,

в Дивеево и в Макарьево, много раз в Кинешму и ещё много куда «по мелочам – то в епархию, то ко врачам, то к родственникам моим. Он меня много выручал и в смысле «личного шофёра», и в смысле финансовом по нуждам церковным.

И при поездке было немало душевных «философско-богословских» разговоров, от которых, как мне кажется, нам обоим было хорошо. А теперь – вот можно сказать только: «Вечная память и Царство Небесное душе его». Хотя это «только» и есть основа христианского миропонимания. Говорим же мы, исповедуем: «Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Аминь, значит – истина.

***

«Смерть не зло, но зло после смерти мучиться.
Равно смерть – не добро, но добро после
смерти быть со Христом»
Свт. Иоанн Златоуст

В своих бесчисленных интервью и ответах на вопросы протоиерей Андрей Ткачёв рассказывает такой факт. Какая-то женщина видела в Киеве надпись на стене дома: «Благодарю тебя, Боже, что я не москаль». И он, отвечая ей, начинает ругаться по поводу украинцев вообще и православных Московского Патриархата тоже, что и им тоже внушили подобные мысли, что они, украинцы, ничего не поняли и пребывают в гордости своей.

Человек во все времена, видимо, склонен заблуждаться, ошибаться. То есть по слову псалма «человек ложь есть». Ну чем, к примеру, отличается человек, сделавший выше сказанную надпись на стене от человека, говорящего на кухне такую фразу: «Разве можно ей идти к батюшке на исповедь или в церковь? Она же курит…».

Думается, что не меньшее безумие, хотя «мелочь» по сравнению с «москалём». (Царь Николай II тоже, говорят, курил, а мученик Бонифатий был любовником у одной знатной дамы, и значит – блудник. Но они и многие другие «были», а потом – не стали, изменились, освятились…

И вот по поводу: «всяк человек ложь». Авторитетно: «Аз же смирихся зело. Аз же рех во изступлении моем: всяк человек ложь». *(Пс. 115 ст. 2).*

Толкование: «Акила же перевёл сие так: Я в изумлении моем сказал: всякий человек лживость; и Феодотион: всякий человек исчезает; а Симмах: с прискорбием сказал я: всякий человек обманывается».

Не без намерения же представил я все сии переводы, но желая показать, что Пророк ложью называет человеческое благоденствие, всего скорее минующее и не имеющее никакого постоянства: увидев, говорит пророк, внезапную эту перемену, приведя себе на память прежнее наше благополучие и взирая на следующие одно за другим бедствия, с прискорбием сказал я: ничего нет постоянного и прочного; тот обманывается и не увидит исполнения надежды, кто полагается на настоящее, как на нечто продолжительное.

Сие сказал он в псалме тридцать осьмом: обача всяческая суета всяк человек живый *(Пс. 38, 6)*. Сему обучившись и премудрый Соломон, хотя жил во всяком благоденствии. Но, коснувшись естествословия дел человеческих, такое сделал вступление: суета суетствий, всяческая суета. *(Еккл. 1,2)*

(Псалтырь с объяснением каждого стиха Блаж. Феодорита еп. Кирского. Свято-Троицкое изд. Москва 2011)

БЕСЕДА ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Две молодые женщины (однокурсницы по Академии искусств) в пору духовных исканий поехали в Грецию. Попали на остров Наксос, и там, в монастыре святителя Иоанна Златоуста, встретили старца. После осмотра древнего храма сидели, отдыхали в монастырском дворике.

«Вдруг к нам подошёл высокий иеромонах в очках, внимательно посмотрел на нас, и, улыбаясь, спросил:

– Вам нравится монастырь?

– Да, да, – закивали мы, – очень нравится!

Он ещё пристальнее посмотрел на нас, и задал совсем неожиданный вопрос:

– А вы сделаете свои сердца храмом Христа?

Мы растерялись…

(По рассказу Герондисса Феодора прот. Алекс-ра Торика «Флавиан»).

Вы могли бы, братия и сестры, предположить, что в вашей жизни встретился бы такой человек и задал бы вам такой вопрос? И если бы вдруг такое случилось, то что бы вы ему ответили?..

Мы очень любим жизнь (как будто упомянутые «герои» её не любят), и совсем не готовы даже к существованию такого вопроса, не говоря уже о его если не исполнении, то хотя бы направлении пути к такому вопросу, к подобному образу мысли. (В наш советский период такое и в голову не приходило).

Но продолжим ещё из рассказа паломниц.

«…Я почувствовала, что в этом вопросе скрывается что-то очень важное, может быть, самое главное в моей жизни, и я не вполне осознанно ответила:

– Да! – и добавила, – но ведь это должно быть так трудно!

– Да, трудно, – ответил иеромонах. – Но исполнено божественной сладости!»

Она стала монахиней.

Мы можем с вами понять, что такой вопрос и такого человека Господь пошлёт далеко не всякому христианину. А тому только, сердце которого уже (хотя, может быть, на уровне интуиции) ищет Его!.. Но знать, слышать или читать такое, конечно же, сладостно всякому православному. И на фоне таких духовных сюжетов из жизни конкретных людей (они реальные люди, а не литературные герои) просматривать свою греховную жизнь, и плакать об утраченном в молодости, и каяться: в непослушании родителям, в увлечении «улицей», в разжигании своих страстей, в духовной лености, в осуждении всех и вся, в объедении и сонливости…

***

«Сон моея лености ходатайствует душе моей муку», – любил повторять один священник, обличая, видимо, себя в этом грехе.

Ко мне это относится в гораздо большей степени, хотя «муку» я особо не чувствую, пока не прочту что-либо обличительное…

Прочитаю, немного устыжусь… И опять забуду…

***

«Испытывай себя прежде суда, и во время посещения найдёшь милость».

(Премудрости Иисуса сына Сирахова. 18 гл. 20 ст.)